

По натуре гуманитарий,
Угодил я сперва в технари.
Хоть стихи доверял гитаре,
Но пахал от зари до зари
На промасленной, дымной ниве,
Растворяя себя в толпе.
Точно сызмальства мне вменили
Начинать на чужой тропе

И с годами, не стар, не молод,
Изорвав не свои гужи,
Окунуться в постыдный холод,
Мол, не так, как хотелось, жил,
И пора исчезать бесследно,
Все бывшее пустив в распыл...
Терпкий привкус иного хлеба
Я не то, что не позабыл,

Но им, собственно, грезил в яви,
Сыт краюхами строф ночных.
То-то с прошлым теперь «краями»,
Невзирая на остальных,
Что из прошлого здесь толкутся,
И возникших уже теперь
(С ними даже в толкучке пусто).
Да не столь ведь я редкий зверь,

Чтоб дышать в одиночку, право!
И о том ли ведется речь?!
Устраняя изъяны нрава
Неизбежностью новых встреч,
И с прекрасным, и не особо,
Я поблажек себе не жду.

Впрочем, ненависть или злобу
В окружающую среду

Мне выплескивать доводилось,
И сверх меры, по пустякам:
У кого-то впадал в немилость,
Кто-то волю давал рукам,
Да и я не тянул с ответом...
Эх, жестокая глупость, чушь!
Сожалею порой об этом...
И обмолвиться лишь хочу:

До смирения и покаяния
От сегодняшнего меня
Не измерены расстояния...
Сокровенно в душе храня
Устремление к тем вершинам,
Не мешаясь теперь с толпой,
Вопреки крикунам фальшивым,
Ковыляю своей тропой.

ЭКА НЕВИДАЛЬ

Былое, откуда мы вышли
(Чего бы те годы не стоили),
Теперь вполне себе выстирано,
Подклеено и раскрашено.
Вот только спаси нас, Всевышний,
От выдуманной истории!
Пора бы усвоить: истина —
Отнюдь не самое страшное,

Что может быть нам ниспослано.
Прозрение всякий раз
Желающих накрывало
Внушительным пустоцветом,
Мол, то ли еще бывало,
Да без толку выть сейчас,
Пророка или апостола
Отыскивая при этом

В казенных архивных недрах.
Ведь память — не транспарант.
А помнить, свято и честно,
Ни времени нет, ни знаний.
Опять-таки, сердцем щедрых
Любой облапошить рад.
Известно то, что известно!
Довольно воспоминаний!

О чем же мы, собственно, тужим,
Коль небом оделены
Сверх меры? Спаси нас, Господи,
От выдуманных печалей!
На все водоемы и лужи
Хватает одной луны.
А звезд несметные россыпи?
А солнечными лучами

Наивной радости полные
Глазенки наших детей?
Но этого нам, похоже,
Для счастья все-таки мало.
Итак, огради нас, Боже,
От выдуманных страстей!
Резоны почти бесспорные...
И маяться не пристало

Продвинутым всесторонне...
Изнанку времени выскоблив,
Грядущего волонтеры
Жируют на чем попало
(Что схвачено — не уроним!)
Из побуждений искренних.
В итоге же, дело темное:
А сколько там перепало

Нахрапистой малолетке?
Ничтожность успешных лиц
И память, враньем источенная...
Тот счастлив, кому приснится,
Что не слетевший с ветки
Жухлый осенний лист —
Единственная устойчивая
Денежная единица.

* * *

Суконный космос мокрых дел,
Преданья преданных напрасно...
Инстинкт навязчиво зудел
Что жизнь, естественно, прекрасна

И не настолько коротка...
Увы, познав судьбы стервозность,
Поют намятые бока,
Мол, упраздни опасный возраст,

И начинай себя беречь:
Юлить, выплескивая локти
Меж остальных, кривую речь
Дрессировать в луженой глотке,

Авось понадобится вдруг?
А ведь механика простая:
Соврать — недорого берут,
И, тем не менее, хватает

Желудок в норме соблюсти
(Мечта с рождения костистых)
И, в обескровленной горсти
До хруста корм подножный стиснув,

Унять сомнения и злость.
Оно, весьма возможно, кстати,
Что жить в Эпоху довелось,
И, приобщившись в результате

К величию верховных тел,
Вдруг второпях покончить с нею...
Что все стерпел и отупел,
Считая нормой ахиною...

Смотри, звезда моя, смотри!
Гори со всеми потрохами!
Как те ночные фонари
В рабочий полдень полыхали;

Кипи, затравленная ртуть —
Слеза зеркал неугасимых!
И пусть внештатные плетут
Шустрей тачаночных максимов,

Телеграфируя восторг
Национального единства,
Пусть тарахтит всеобщий торг,
Где даже черствый бородинский

Не достается задарма!
А я, совсем обычный русский,
Схожу по-своему с ума,
Без ваших правильных инструкций.

* * *

Одевая город сединой,
Может быть зима его согреет,
Но, увы, не сделает мудрее...
Даже если встанет снег стеной,

Пусть не скоро, но когда-нибудь
Оттепель нам щедро явит лужи.
Здешний снег иных морей поглубже,
Как бы до весны не утонуть,

Пробуя развлечься иногда
Сказками о вожделенном юге.
Впрочем, повседневность злее вьюги,
Что заносит снегом города.

Не отменишь, сколь их не кляни,
Хлопоты насущных выгод ради,
Хоть бы и себя всего истратив
В сутолоке мелочной возни.

Оттого идущих по пятам
Удивить получится едва ли,
Как людей в нас будни убивали,
Как мы выжить ухитрились там.

МОЛЬБА

Забудь меня еще тогда,
Когда нас не было на свете,
Когда ни страха, ни стыда
Не испытали наши дети,
И ты не знала пьяных драк
И вечной боли унижений,
И я, мерзавец и дурак,
Тебе не делал предложений!
Забудь! Мольба не звук пустой!
Великим ласковым созданиям
Своей несметной красотой,
Своим отважным состраданьем,
Негоже потакать зверью.
И я, не склонный к птичьим трелям,
В однажды начатом бою
С самим собой — уже застрелен.